

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. В. Крюков

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

(размышления этнографа
о проблемах теории нации)

Наша страна переживает сегодня эпоху коренных качественных преобразований. Выработанный партией курс на резкое повышение эффективности экономики, не отделимый от перестройки всех других сторон жизни советского общества, направлен на приведение в действие еще не реализованных нами преимуществ социализма. По мере движения вперед по пути обновления становится все более очевидным, что исторически возникший механизм торможения нельзя преодолеть, не уяснив истоки его формирования. И мы начинаем все более отчетливо понимать, каковы были действительные последствия произошедшего в конце 1920-х годов отхода от многих важных положений ленинской программы построения социализма в СССР. Игнорирование основных принципов новой экономической политики, разработанных Лениным «всерьез и надолго» (хозяйственный расчет, личная заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, развитие производства прежде всего за счет роста производительности труда и т. д.) ознаменовало отказ от экономических методов руководства хозяйственным строительством. В результате острейшей сегодняшней перестройки направлено на то, о чем Ленин говорил в 1921 г., характеризуя положение дел накануне введения НЭПа: «Наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей»¹.

Нынешнее понимание стоящих перед нами задач было бы невозможным, если бы мы не прошли через два важных исторических этапа — успешное, как нам тогда казалось, преодоление культа личности Сталина и неудачный опыт экономических реформ 1960-х годов. Только пережив это чувствительное поражение, мы подошли к осознанию того, что сводить лишь к культу личности весь негативный груз, тяготивший общество на протяжении десятилетий, было чрезмерным упрощением. Речь идет о целой совокупности взглядов, методов и соответствующих им социальных институтов, несмотря на свое псевдореволюционное обличье глубоко чуждых духу социализма. В экономике — подмена принципа плановости народного хозяйства практикой управления им путем администрирования. В социально-политической сфере — выхолащивание демократической сущности социалистического строя и злоупотребление запретительными функциями государства. В национальном вопросе — пренебрежение объективными законами исторического развития народов.

Все это вместе взятое — различные стороны одного целого. И преодолеть их невозможно, если они будут рассматриваться изолированно. Между тем мы в свое время осудили культ личности и, посчитав борьбу с ним успешно завершённой, попытались затем преодолеть экономическое отставание, не подвергнув сомнению сущность сталинской концепции социализма. Историческое значение происходящей сегодня перестройки как раз и заключается в подходе к нерешенным вопросам развития советского общества в их взаимосвязи и внутренней взаимообусловленности, в признании необходимости устранять не только препятствия, лежащие на поверхности, но и породившие их глубинные причины.

Это в полной мере относится и к национальным проблемам, в столь острой форме напомнившим о своем существовании за последнее время.

К вопросу о сталинском определении нации

«Необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

Историкам еще предстоит выяснить, каким образом в середине 1920-х годов Сталин смог не только сохранить, но и приумножить свое влияние в ЦК и партии вопреки ленинскому «Письму к съезду». Во всяком случае, добиться желаемого ему в немалой степени помогло то обстоятельство, что он почти никогда не выступал открыто против Ленина, а, напротив, постоянно рядился в тогу защитника ленинских идей. В этом отношении Сталину порой удавалось почти невозможное. Один из примеров — XII съезд партии. Только что по делегации зачитано письмо Ленина «К вопросу о национальностях». Сталин пытается приглушить остроту содержащейся в нем критики... апелляцией к авторитету Ленина. «Многие ссылаются на записки и статьи Владимира Ильича,— говорит он. —Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как здесь его нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлусь на него»². Стремясь предать забвению неопровержимые исторические факты, Сталин в дальнейшем немало потрудился над созданием мифа о полном и неизменном совпадении своих взглядов с ленинским наследием. Очень точно определил суть отношения Сталина к ленинским идеям Зиновьев, заметивший ему однажды: «Для вас ленинская цитата — как охранный грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!»³.

Претендуя на роль единственного ортодоксального последователя ленинизма, Сталин вместе с тем уже в самом начале 1930-х годов принимает решительные меры к тому, чтобы воздвигнуть самого себя на пьедестал классика. Известно, что еще в 1933 г. он дает Ем. Ярославскому письменное указание отразить в учебнике по истории партии «значение теоретических работ Сталина» и дополнить его специальным разделом «Сталин и национальный вопрос». После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» заслуги Сталина как главного теоретика национального вопроса уже ни у кого не должны были вызывать сомнений.

Вторая половина 1950-х годов принесла надежду на преодоление одностороннего и заведомо искаженного толкования всего, что было связано с оценкой роли Сталина в истории партии и государства. Началось переосмысление многих застывших формул, время от времени рождавшихся в его голове вне зримой связи с общественной практикой. Однако дело не было тогда доведено до конца. И если сегодня уже никто не вспоминает сталинского открытия курско-орловского диалекта как основы формирования русского литературного языка, то судьба некоторых других теоретических откровений Сталина сложилась иначе.

Практика показывает, что многие советские обществоведы оказались не в состоянии сделать правильные выводы из самой сути решений XX съезда КПСС и задачи борьбы с культом личности Сталина были поняты ими весьма своеобразно. Излагая в своих сочинениях проблемы теории социалистического

строительства, они пошли по пути простого неупоминания имени Сталина и, следуя культивировавшемуся им же самим приему, стали приписывать сталинские идеи Ленину. В результате сложилась парадоксальная ситуация: Сталин исчез со страниц наших исследований, но концепции его остались.

Передо мной монография доктора исторических наук Ф. М. Ваганова «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром», опубликованная в 1977 году вторым, дополненным и переработанным изданием. «Не соглашаясь с выводами членов ЦК,— читаем мы в этой книге,— Рыков... выдвинул и старался оправдать свой тезис: „Чем дальше мы строим социализм, тем меньше классовых противоречий“...». И далее автор резюмирует: «Вывод партии об обострении классовой борьбы в период социалистического строительства имел не только важное теоретическое, но и практическое значение. Ленинское объяснение этого вопроса позволяло партии правильно понять характер переживаемых трудностей, определить стратегию и тактику в борьбе за социализм»⁴. Не заглядывайте в список опечаток, здесь нет ошибки наборщика. Перед вами неистребимая приверженность любимому детищу Сталина — отождествлению сталинизма с ленинским наследием, беспардонному оправданию доморожденных сталинских «теорий» произвольными ссылками на авторитет Ленина.

В еще большей степени характерно сказанное для взглядов Сталина по национальному вопросу. В 1960—1980-х годах были написаны десятки статей и книг, защищены многочисленные диссертации, основной смысл которых сводился к настойчивым поискам в ленинских работах подтверждений его приоритета в формулировании тех или иных положений, известных нам из выступлений Сталина. Делалось это, как правило, путем цитирования вырванных из контекста высказываний, упоминания лишь тех суждений, которые, казалось бы, подтверждают априорно принятую комментатором схему.

О том, как мысли Ленина явочным порядком подменялись сталинизмом, можно судить на примере внедрения в общественное сознание сталинского определения нации. В начале века О. Бауэр и К. Каутский предложили две взаимоисключающие дефиниции этого понятия. Первый из них решительно возражал против того, чтобы включать в число признаков нации общность происхождения и язык как важную отличительную черту нации, полагая вместе с тем, что помимо языка у нее существуют и другие отличительные признаки. Поставив перед собой задачу дать «марксистское» определение нации, Сталин взял у Каутского общность языка, территории и экономической жизни и добавил к этому позаимствованный у Бауэра «психический склад». Подобный эклектизм, впрочем, свойствен не только определению нации, данному Сталиным в статье «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе автор неоднократно вводит в свой собственный текст раскавыченные цитаты из критикуемого им Бауэра (так, он дословно использует высказывание идеолога австромарксизма о том, что «итальянцы происходят от этрусков, римлян, кельтов, германцев и сарацинов, современные французы — от галлов, римлян, бриттов и германцев»⁵; у Сталина «сарацины» заменены на «арабов», остальное приводится буквально по русскому переводу книги Бауэра⁶). Использовал Сталин без ссылки на первоисточник и некоторые идеи Каутского, который по его словам «всегда был и остался дилетантом в национальном вопросе».

Впрочем, нельзя сказать, что Сталин не добавил в своей работе 1913 г. ничего нового к суждениям своих предшественников. Самому Сталину, несомненно, принадлежит утверждение о том, что признаков у нации может быть именно четыре и поэтому «достаточно отсутствия у нее хотя бы одного из признаков, чтобы нация перестала быть нацией». Почему именно четыре и в какого рода общность превращается нация в случае отсутствия у нее хотя бы одного из этих четырех признаков, Сталин не пояснял. Во всяком случае в этой своей статье он в принципе противопоставлял нацию как «историческую категорию» и племя как «категорию этнографическую». Позднее Сталин поставил знак равенства между своим определением нации и «русской марксистской

теорией нации», не преминув добавить при этом, что она является единственно правильной теорией.

Широко бытует мнение, что все сказанное Сталиным в статье «Марксизм и национальный вопрос» (изданной также отдельной брошюрой) получило безоговорочное одобрение Ленина. К популяризации такой точки зрения в свое время приложил руку сам Сталин. Не случайно, например, М. Джилас вспомнил, как в 1948 году на одном из приемов в Кремле речь зашла об этом сталинском произведении. Сталин заметил: «Это все идеи Ильича. Он эту книжку сам редактировал»⁷.

Ссылаются в этой связи на три письма Ленина, написанные в феврале-марте 1913 года. В первом из них — Горькому — сообщалось, что «у нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью»⁸. Второе адресовано Каменеву: «Трояновский поднимает нечто вроде склоки из-за статьи Кобы для „Просвещения“... Конечно, мы абсолютно против. Статья *очень хороша*. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи»⁹. Третье — снова Каменеву: «Коба успел написать большую (для трех номеров „Просвещения“) статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов»¹⁰.

Из приведенных писем Ленина следует, что он весьма положительно отзывался о статье Сталина, демонстрировавшей несостоятельность претензий Бунда на особое положение в социал-демократическом движении. Своевременными и важными считал Ленин также статьи по национальному вопросу, написанные тогда О. Н. Степанюком, П. И. Стучкой, С. Г. Шаумяном. Ленин выделял в этих публикациях то главное, что было нужно партии в конкретных условиях ее борьбы с идейными врагами. Характерно, как определял Ленин свое отношение к статьям этих авторов. «Летом,— писал он Шаумяну,— читал рефераты по национальному вопросу и немножко штудировал его. Посему намерен „стоять крепко“, хотя, конечно, *ich lasse mich belehnen* товарищами, изучавшими вопрос больше и дольше»¹¹. Ленин критиковал, в частности, многие высказывания Шаумяна, как не был он во всем согласен с упоминавшейся статьей Сталина: публикуя в том же журнале «Просвещение» свои соображения по национальному вопросу, Ленин указал на ошибочность сталинской трактовки конкретных форм самоопределения наций (у Сталина речь шла об «областной автономии»), тогда как Ленин неизменно настаивал на праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства)¹². А что думал Ленин по поводу сталинского определения нации?

После XX съезда КПСС некоторые историки, философы, этнографы потратили немало усилий на то, чтобы отыскать в ленинских работах упоминания о «четырех признаках нации». Однако результаты поисков оказались более чем скромными. В 1903 г., например, Ленин писал, что Каутский, «пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию»¹³. Но и в 1914 г., т. е. спустя год после публикации статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос», Ленин по-прежнему говорит о существовании двух теорий марксизма по национальному вопросу — «идеалистической теории нации» Бауэра, в которой «национальный характер — главное», и «историко-экономической теории» Каутского (язык и территория)¹⁴. Этот факт свидетельствует о том, что Ленин, придавая большое значение статье Сталина в условиях борьбы РСДРП с позицией Бунда, тем не менее не усмотрел в этой работе какой-то самостоятельной «теории нации». С этой же точки зрения следует, по-видимому, рассматривать и высказанный тогда же призыв Ленина решать национальный вопрос «не играя в юридические дефиниции», не „сочиняя“ абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений»¹⁵. Не следует забывать при этом и о реплике, прозвучавшей на III конгрессе Коминтерна, когда в ответ на заявление Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа» Ленин заметил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе»¹⁶. Ленин, таким

образом, скептически относился к возможности практического определения особенностей «психологического склада нации» — того «нового», что внес Сталин в определение Каутского.

Не разделял Ленин и тезиса, на котором так настаивал Сталин: «Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией». В принципе соглашаясь с Каутским в отношении территории как одного из признаков нации, Ленин в то же время писал о «нациях с территорией» и «нации без территории»¹⁷.

Весьма показательна в этом смысле эволюция суждений Ленина о том, можно ли считать нацией евреев. Каутский, как известно, давал на этот вопрос отрицательный ответ; в 1903 г. в статье «Положение Бунда в партии» Ленин также называл идею существования особой еврейской нации «совершенно несостоятельной в научном отношении»¹⁸. Но именно в тот период, когда тезис о евреях как о «бумажной нации» стал обосновывать Сталин, первоначальная точка зрения Ленина изменилась. В целом ряде своих выступлений 1913—1914 гг. (как и в более позднее время) Ленин говорил о необходимости отмены «всех национальных ограничений против всех наций: евреев, поляков и т. д.»¹⁹, подчеркивал, что «борьба национальностей у нас на глазах превращается в сделку господствующих классов двух наций на условии особого угнетения третьей (еврейской)»²⁰ и пр. О евреях как о «наиболее угнетенной и затравленной нации»²¹ Ленин писал вскоре после появления в печати статьи Сталина, в которой тот задавал, в частности, риторический вопрос: «Что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время?!»²². Нужно было обладать незаурядной способностью выдавать белое за черное, чтобы после этого с невозмутимым видом утверждать: «Это все идеи Ильича. Он эту книжку сам редактировал».

Начавшаяся в середине 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия о понятии «нация» была вызвана серьезными сомнениями в правильности сталинской дефиниции, давно беспокоившими многих наших ученых. В ходе ее высказывались мнения о недостатках этого определения, выдвигались предложения по его усовершенствованию. Но наступила середина 1980-х годов, и вот выясняется, как писали несколько лет тому назад Ф. Я. Горовский и Ю. И. Римаренко, что в своих теоретических построениях большинство советских исследователей исходит из известных четырех признаков нации, которые в основном «возражений не вызывают»²³. Нужно ли после этого удивляться тому, что возвратясь на круги своя в теоретической ходьбе на месте наши обществоведы оказались не готовыми к истолкованию тех неожиданных для них проявлений национального вопроса, с которыми пришлось столкнуться за последнее время?

Сто и одна маленькая нация

«Надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386).

Чем же все-таки объяснить, что неоднократно обращаясь в своих трудах к проблемам нации и национального вопроса, Ленин все-таки не счел необходимым дать определение нации? В поисках ответа на этот вопрос следует, на мой взгляд, обратить внимание на постоянное употребление Лениным слов «нация», «национальность», «народность», «народ» в качестве синонимов. Характерно, что в «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) сказано: «Признание социал-демократией права всех национальностей на самоопределение отнюдь

не означает отказа с.-д. от самостоятельной оценки целесообразности государственного отделения той или иной нации в каждом отдельном случае»²⁴. Синонимичное употребление этих терминов встречаем и в заключительном слове по докладу о партийной программе на VIII съезде РКП(б) в 1919 г.: «В вопросе о самоопределении национальностей суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой»²⁵. На 2-м конгрессе Коминтерна в 1920 г. Ленин говорил об «угнетенных народностях», «отсталых национальностях», «нациях более отсталых»²⁶. Анализируя положение евреев, Ленин называл их «нацией», «национальностью», «народом», «народностью» и т. д.²⁷.

Будучи несколько сконфужены этим, некоторые советские обществоведы попытались найти приемлемое объяснение этому словоупотреблению Ленина. Так, например, В. И. Козлов утверждал, что «области общественных наук, которые занимались национальной (этнической) проблематикой, в начале XX в. были развиты слабо, поэтому многие важные термины еще не установились и не отдифференцировались; например, слова «народ», «народность», «нация», «национальность» часто употреблялись в литературе довольно неопределенно, как синонимы. Это в какой-то мере отразилось и в работах В. И. Ленина... Несомненно, например, что в основном пункте национальной программы РСДРП — тезисе о праве наций на самоопределение — слово „нация“ имело именно такой расширительный смысл, охватывая и народы, которые еще не успели сложиться в нации»²⁸.

Адресованный Ленину упрек в неточности употребления им термина «нация» сродни бытовавшему некогда в нашей науке утверждению, что Энгельс-де допускал отступления от исторического материализма, ставя в один ряд воспроизводство человека и производство им материальных ценностей. К счастью, Ленин сам ответил на рекомендацию усовершенствовать применяемую им терминологию. В статье «О праве наций на самоопределение» он писал: «Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требующий борьбы с таким угнетением». К слову «население» в тексте сделана сноска: «Некоему Л. Вл. из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. ... собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: „население“, „народ“ и т. п.» И далее, приводя марксову резолюцию Интернационала о симпатиях к «ирландской нации», «ирландскому народу», Ленин замечает: «Умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!»²⁹.

Сказанное Лениным не оставляет сомнений в том, что он употреблял слово «нация» в значении «народ», или «этническая общность» (последний термин, впрочем, тогда еще не был распространен, он вошел в науку лишь в конце 1950-х годов).

Именно поэтому, говоря об этническом составе населения России, Ленин называл нациями все без исключения населяющие ее народы — «сто и одну маленькую нацию», противостоящие великорусскому великодержавному капитализму³⁰. Рассматривая проблему национального состава учащихся Петербурга в 1911 году, Ленин упоминает о русских, поляках, чехах, литовцах, латышах, а также о чуди, лопарях, зырянах, самоедах. Вывод Ленина: «Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот — о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия»³¹. Из этих слов ясно, что нациями Ленин считал и такие немногочисленные этнические общности как чудь, лопари (саамы), коми, ненцы и т. д.

Резким контрастом этому звучит принятый у нас гезис о делении народов СССР на «нации», «народности» и «национальные группы». «Сложилась определенная традиция, — утверждают сторонники такого рода классификации народов, — называть нациями этносы, образующие союзные и автономные республики, и народностями — этносы, имеющие автономные области и автономные

округа, или вообще не имеющие автономий, но расселенные преимущественно в СССР. Что же касается этносов, которые представлены в Советском Союзе лишь своими небольшими частями, то их чаще всего именуют национальными группами... Такая группировка привлекает простотой и выдержанностью, но далеко не всегда может быть обоснована в научном отношении... Думается, что более важное значение для типологизации небольших этносов нашей страны имеет учет их социальной структуры и степени самостоятельности языково-культурных (информационных) связей»³². Затруднительно высказать что-либо определенное о привлекательности этой схемы; что же касается степени ее научной обоснованности, то о таковой, к сожалению, речи здесь вообще идти не может.

В самом деле, может ли считаться научной классификацией соположение трех категорий, две из которых противопоставляются друг другу посредством какого-то одного критерия, а третья выделена на совершенно ином основании? Ближайшим аналогом подобной группировки могло бы быть, например, утверждение, что в Большом театре поют, во-первых, басы и баритоны, во-вторых, теноры и дисканты, а также артисты, вообще лишенные голоса, но состоящие в штате труппы, и, в-третьих, совместители; при этом артистов двух последних категорий можно с большой степенью надежности выделить из общей массы все же по цвету галстука и семейному положению.

Стоит ли после этого удивляться, что как только речь заходит об отнесении какого-то конкретного народа к одному из перечисленных трех типов, начинаются почти непреодолимые трудности. Почему черкесы СССР — это народность, хотя большая часть этого народа проживает не в нашей стране? Почему азербайджанцы, живущие также преимущественно за пределами СССР, — это нация? Если суть дела в наличии у черкесов автономии низшего ранга, то почему в таком случае не являются народностью советские немцы? Или может быть до 28 августа 1941 г. немцы СССР все-таки были нацией, а после ликвидации АССР немцев Поволжья они стали народностью? Соответственно, можно ли утверждать, что калмыцкая нация в конце 1943 г. превратилась в народность, но 29 июля 1958 г. вновь стала нацией?

Хорошо известно, что противопоставление наций, народностей и национальных групп было введено в 1921 г. не кем иным как И. В. Сталиным в его тезисах «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», подготовленных к X съезду РКП(б). Утверждая, что современные нации представляют продукт определенной эпохи — эпохи поднимающегося капитализма, Сталин утверждал, что «если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 15 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата... Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инациональные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие ни определенного классового строения, ни определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)»³³.

Нетрудно видеть, что все упоминавшиеся выше противоречия подобного противопоставления одних народов нашей страны другим заложены уже в этом сталинском высказывании. Однако если в 1921 г. на X съезде партии Г. В. Чичерин еще мог позволить себе выступить с замечаниями «Против тезисов тов. Сталина», то с течением времени охота делать это была у сомневающихся основательно отбита. Поэтому когда в 1939 г. Сталин заявил, что в СССР проживает «около 60 наций, национальных групп и народностей»³⁴, то возражений не последовало.

Поразительно, что в своих тезисах 1921 г. Сталин использовал также и несколько иной вариант своей «типологии» народов СССР, в которую он помимо наций и народностей включил также «племена»³⁵, хотя еще совсем недавно перед тем настаивал на сущностной несопоставимости «нации» как исторической категории и «племени» как категории этнографической. А еще через 30 лет он сформулировал последовательность «род» — «племя» — «народность» — «нация» уже как сугубо исторические категории. Почему эта идея сразу и безоговорочно вошла в общественно-научный обиход, вполне объяснимо. Недоумение вызывает другое. Каким образом этот внутренне противоречивый и никем никогда по-настоящему не обоснованный постулат не только пережил своего курско-орловского теоретического близнеца, но и до сих пор рассматривается многими как одна из составных частей марксистско-ленинской теории общественного развития?

Не говоря уже о теоретической несостоятельности противопоставления наций и «народностей» в нашем социалистическом обществе, в практическом плане оно представляется вредным, стимулирующим возникновение межэтнических противоречий, не имеющих в действительности под собой реальной почвы. Хорошо известно, как остро воспринимают подчас представители народов СССР вопрос о том, что же все-таки они собой представляют — нацию или «народность» — т. е. нечто до уровня нации еще не поднявшееся. Противопоставление одних народов нашей страны другим с точки зрения их мнимой принадлежности к числу наций или «народностей» находится в противоречии с важнейшим завоеванием социалистической революции, обеспечившей фактическое равенство всех народов СССР вне зависимости от их численности, расового состава, предшествующей этнической истории. Поэтому в научной литературе высказывалась мысль о необходимости отказаться от упоминаний о «нациях и народностях СССР» и вернуться к употреблению словосочетания «народы Советского Союза»³⁶. Оно имеет длительную историю: достаточно вспомнить один из первых документов Советской власти — «Декларацию прав народов России», проект которого был написан Лениным.

О нациях и капитализме, их порождающем

«Здесь еще есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 111).

Таким образом, Ленин, по-видимому, не считал нужным специально определять содержание термина «нация» именно потому, что рассматривал его в качестве синонима понятия «народ» и не вкладывал в него какого-то особого (стадиального) смысла. Однако это предположение находится в явном несоответствии с широко распространенным мнением, будто Ленин связывал возникновение наций с эпохой капитализма.

Утверждая это, многие ссылаются на два ленинских высказывания. Первое из них содержится в работе «Карл Маркс». Излагая взгляды Маркса на важнейшие проблемы теории социализма, Ленин писал: «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»³⁷. Но Ленин, разумеется, не мог не знать, что и Маркс, и Энгельс часто применяли термин «нация» к этническим общностям не только средневековья, но и древности. Первым, кто вполне определенно высказал мысль о появлении наций лишь в эпоху капитализма, был Каутский. Сталин заимствовал у него эту идею, утверждая (без ссылки на первоисточник): «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»³⁸.

То, что Ленин не разделял этой точки зрения Каутского — Сталина, с полной очевидностью следует из анализа его произведений, посвященных националь-

ному вопросу. «Капитализм развивается неравномерно и объективная действительность показывает нам,— писал Ленин в 1916 г.,— наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически»³⁹. И далее: «Мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций»⁴⁰; «...даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только не нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять „самоопределение“»⁴¹.

Выступая с докладом о партийной программе на VIII съезде РКП(б). Ленин говорил в 1919 г.: «Надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии и демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение — о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит»⁴². Справедливо полагая, что национальный вопрос понимался Лениным как вопрос, относящийся ко всем народам мира, некоторые исследователи тем не менее делают из приведенной цитаты вывод, что Ленин все-таки исключал из общего числа народов, имеющих право на самоопределение, «отсталые племенные общности, вроде готтентотов и бушменов»⁴³. Но такая трактовка ленинской мысли не может быть объяснена чем-либо иным, кроме недоразумения. В своем выступлении Ленин говорил: «Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»⁴⁴. Речь шла таким образом не об исключении отсталых племенных общностей из числа народов, претендующих на самоопределение, а о том, что проживай бушмены и готтентоты на территории России, им также не было бы отказано в этом праве.

Возвращаясь к статье «Карл Маркс», мы видим теперь, что автор вовсе не считал нации, т. е. народы, порождением исключительно буржуазной эпохи и не приписывал эту точку зрения Марксу. Излагая взгляды Маркса на общие законы развития общества, Ленин указывал на национальные различия как форму общественного бытия, неизбежно свойственную той эпохе, имея в виду, что лишь в будущем коммунистическом обществе произойдет в конечном счете слияние наций.

Второе высказывание Ленина, обычно приводимое в качестве доказательства понимания им нации как категории, возникающей лишь в эпоху капитализма, содержится в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Полемизируя с Михайловским, считавшим национальные связи продолжением связей родовых, Ленин пишет: «Создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁴⁵. Первым, кто истолковал это место ленинской работы в указанном выше смысле, был Сталин. Повторяя в 1929 году свой тезис о нациях как порождении эпохи поднимающегося капитализма, он ссылается на эти «замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций»⁴⁶. Будучи вырвана из контекста, данная цитата действительно могла бы при желании быть истолкована так, как это сделал Сталин. Однако, если проследить весь ход мысли Ленина, становится ясно, что здесь в центре его внимания находится проблема формирования российского общегосударственного рынка, возникновение которого привело к усилению связей между ранее обособленными территориальными единицами. В противоположность излагаемой Михайловским схеме общественного развития «от семьи — к племени и далее к государству», Ленин указывает на историческую последовательность связей родовых, территориальных и общегосударственных. Термин «национальный» употреблен здесь Лениным в том же смысле, который мы имеем в виду, говоря о «национальном доходе» или «национальной футбольной команде». Ясно, что о возникновении наций как этнических общностей в книге «Что такое „друзья народа“...» речи не шло вовсе.

Здесь Сталин, ссылаясь на «замечательные слова Ленина», стремился, как и во многих других аналогичных случаях, обрести еще одну охранную грамоту своей непогрешимости. Можно только сожалеть о том, что с легкой руки Сталина эта цитата до сих пор истолковывается превратно.

Собственная же аргументация Сталина, содержащаяся в его статье 1929 г., неубедительна и противоречива. С одной стороны, автор утверждает, что «не было и не могло быть наций в период докапиталистический», с другой — вводит понятие «современные нации»⁴¹. Сама по себе такая постановка вопроса вызывает недоумение: рассуждая логически, помимо «современных» в этом случае, следует допустить существование и каких-то иных наций!

Статья Сталина представляет собой «ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим». Насколько можно судить о взглядах этих товарищей, они вслед за Лениным полагали, что нации существовали в истории человечества и до эпохи капитализма (вспомним, что, по мнению Ленина, например, «Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом»⁴⁸). Кроме того, они не связывали судьбу наций, существующих при капитализме, с судьбой капитализма. Показательно, что Сталин опровергает эту точку зрения. «А с чем же, собственно, можно было бы связать судьбу этих наций, если не с судьбой капитализма? — задает он вопрос. — Не думаете ли вы что старые буржуазные нации могут существовать и развиваться при советском строе, при диктатуре пролетариата? Этого еще не хватало...»⁴⁹. Вот, в сущности, и все доказательства.

По каким-то причинам Сталин не ссылается здесь на Ленина. Но позднее в одной из ленинских работ было обнаружено место, где употреблено выражение «социалистические нации». Оно и стало приводиться в доказательство того, что сталинский тезис о разрушении в результате социалистической революции прежних буржуазных наций и возникновении на их развалинах новых, социалистических наций в действительности принадлежит не Сталину, а Ленину.

Между тем, во всех работах Ленина, написанных как до Октябрьской революции, так и после нее (в пятом издании Полного собрания сочинений их насчитывается более трех тысяч) «социалистические нации» упомянуты всего один раз⁵⁰. Гораздо чаще употреблял Ленин словосочетание «империалистические нации»⁵¹. Хорошо известно, что Ленин рассматривал империализм как особую стадию капитализма, однако советские обществоведы почему-то не сделали из этого вывод, что Ленин противопоставлял «капиталистические» и «империалистические» нации. Характеризуя перспективы развития национальных отношений при социализме, Ленин писал: «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»⁵². Не предлагая здесь какой-либо типологии наций, Ленин говорит лишь о нациях (народах), живущих в условиях социалистического строя.

После второй мировой войны вопрос о «буржуазных» и «социалистических» нациях приобрел актуальность в связи с появлением двух самостоятельных государств на немецкой земле и нарушением государственного единства Кореи. В решении его до сих пор нет единой теоретической позиции: в первом случае мы склонны усматривать существование в настоящее время двух немецких наций, во втором — соглашаемся с утверждением о единстве корейской нации, несмотря на различие социально-экономического строя в КНДР и Республике Корея. В частности, в недавно увидевшем свет справочнике «Народы мира» о немцах сказано, что «в силу исторических условий в ГДР развивается социалистическая немецкая нация, в ФРГ — буржуазная немецкая нация»⁵³, в статье «Корейцы» этот вопрос вообще обойден, а в текст статьи «Китайцы» была вписана (кстати, без ведома ее автора) фраза: «После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики сложилась китайская социалистическая нация»⁵⁴; о том, что же в таком случае представляют сегодня китайцы Тайваня, составители справочника сочли уместным умолчать. Истоки подобной теорети-

ческой неразберихи восходят к сталинской постановке вопроса о двух типах «современных наций», к ленинским взглядам на проблемы национальных взаимоотношений никакого отношения не имеющей.

О двух тенденциях развития наций

«Когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня» В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128).

Принципиальное значение для понимания современных национальных процессов имеет выдвинутый Лениным тезис о двух тенденциях развития наций. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»⁵⁵. Этот вывод был сделан Лениным применительно к эпохе капитализма еще задолго до Октябрьской революции. В какой мере данная закономерность сохраняется и в условиях социалистического общества? Прослеживаются ли указанные тенденции и после утверждения нового социального строя?

Хорошо известно, что по этому поводу думал Сталин. Утверждая, что социалистическая революция пробуждает к новой жизни «целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных», он вместе с тем задавал вопрос: «Кто бы мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп?»⁵⁶ (напомним, что Ленин в свое время говорил о «ста и одной маленькой нации»). Хотя первая всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала около 190 народов, проживавших на территории нашей страны, Сталин в 1939 г. упоминал цифру 60, и это не преминуло сказаться на разработке материалов очередной переписи, в которой оказалось как раз 62 народа. Так общественное сознание незаметно подготавливалось к восприятию концепции, согласно которой в условиях социализма в нашей стране происходят процессы уменьшения мозаичности населения. Досадным диссонансом звучал в этой обстановке голос историка А. Д. Удальцова, считавшего, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всяческой возможности этнической дифференциации» и утверждавшего: «Этнический процесс является синтезом этих двух тенденций»⁵⁷. В 1960-х годах некоторые этнографы ставили вопрос о том, действительно ли публикуемые ЦСУ данные переписей адекватно отражают этнический состав населения СССР и реально протекающие в нашей стране национальные процессы, не сказывается ли здесь целенаправленное стремление обогнать объективный ход событий⁵⁸. Но признаки времени, которое мы сейчас называем застойным, уже начали вырисовываться, и ответа на вопрос не последовало.

Вместо этого нашим общественным наукам в качестве руководства к действию был предложен тезис о «советском народе как новой исторической общности людей». Будучи не очень определенным по своему содержанию, он по форме вызывает прямые ассоциации с теоретическими выкладками по национальному вопросу, автором которых был Сталин.

В самом деле, именно Сталину принадлежит формула «историческая общность людей». К такого рода общностям он в последние годы своей жизни относил племя, народность и нацию, не напоминая более о том, что до этого считал племя не «исторической», а «этнографической» (?) категорией. В начале 1950-х годов никто не мог позволить себе роскоши заинтересоваться тем, что же вообще такое «историческая общность людей». Казалось бы любые общности

людей. будучи по своей природе явлением социальным, являются в силу этого историческими, т. е. не присущими человеку имманентно, но имеющими социально-исторические причины своего возникновения, развития и исчезновения на определенном этапе человеческой истории. Историческими общностями людей вне всякого сомнения являются классы, политические партии, совокупности приверженцев той или иной религии и т. п. Но почему же и в 1970-х годах, когда табу на сомнения по части непогрешимости сталинских формул, казалось, уже не существовало, мы безропотно, стараясь не вдумываться в суть дела, приняла на вооружение этот сталинский штамп?

Правда, речь на этот раз шла о «новой» исторической общности. Новой по сравнению с чем? Быть может, новая историческая общность — новое по сравнению с теми общностями, которые (вопреки этнографам, предлагавшим именовать их «этническими») стоят в ряду «племя — народность — нация»? Но почему в таком случае в качестве новой исторической общности рассматривается только советский народ, хотя примеры наднациональных общностей, складывающихся в рамках полиэтничных государств, были известны задолго до социалистической революции в России и в равной мере существуют как в капиталистических, так и в развивающихся странах современного мира?

Отнюдь не более определенным с методологической точки зрения был и тезис о «советском образе жизни» как характерной отличительной особенности новой исторической общности людей. На эту тему также было написано немало монографий и отдельных статей, но научное осмысление самого явления от этого не продвинулось вперед. Об уровне проникновения в суть этого понятия говорит, в частности, такой факт: первоначально в словник «Свода этнографических понятий и терминов» были включены только две статьи, имевшие отношение к «образу жизни»; первая из них называлась «Образ жизни советский», вторая — «Образ жизни кочевой». При этом исследователи, посвятившие себя изучению советского образа жизни, меньше всего были озабочены реальными условиями того, как жили советские люди. Теоретическая модель советского образа жизни представлялась таким труднодостижимым, но манящим розовым идеалом, в котором воплощались вековые чаяния человечества. В этой идиллии, разумеется, не могло быть места ни алкоголизму, ни очередям за колбасой.

Принудительное внедрение в советскую науку теории новой исторической общности не прошло бесследно. Одностороннее подчеркивание того, что «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью», отвлекало общество от анализа реальностей межэтнических отношений. Каковы формы национального вопроса на современном этапе истории Советского государства, оставалось неясным. Многие работы по теории национальных отношений и многочисленные диссертации, которые защищались по этой тематике за последние два десятка лет, имели мало общего с наукой в строгом смысле этого слова.

Между тем жизнь не стоит на месте. Происходящие в обществе процессы настоятельно требуют серьезного научного объяснения. Сегодня мы уже не можем удовлетвориться псевдотеоретическим сталинским соображением, что все возникающие в области национальных отношений проблемы обусловлены «стремлением империализма покорить чужие нации и страхом этих наций перед угрозой национального порабощения». Современные национальные процессы возвращают нас к глубоко справедливому выводу Ленина о внутренне закономерной диалектической взаимосвязи двух тенденций в развитии наций.

Семидесятилетний опыт социалистического строительства свидетельствует, что тенденция к сплочению и межэтническому сближению народов СССР действительно составляет магистральный путь национального развития нашей страны. Вместе с тем мы являемся свидетелями и другого объективного процесса — пробуждения к национальной жизни, роста этнического самосознания больших и малых народов, политическое и экономическое равноправие которым принес Октябрь. А чем выше этническое самосознание народа, тем острее

реагирует он на любые проявления национальной несправедливости. Как актуально звучат сегодня слова Ленина, продиктованные в декабре 1922 года: «Я думаю, что в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу. Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в „социал-национализме“ (тогда как он сам является настоящим и истинным не только „социал-националистом“, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки „обиженные“ националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства... своими товарищами пролетариями»⁵⁹.

Времена, когда, действуя методами грубого великорусского держиморды, можно было росчерком пера решать судьбу целых народов, прошли, но и сегодня еще очень трудно преодолеть их тягостные последствия. Восстановить справедливость в отношении невинно пострадавших наций — наша первейшая обязанность. Но не менее злободневна задача очищения от плевел теории национального вопроса.

Шаг назад или два шага вперед?

«Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205).

Против перестройки хозяйственного механизма в наши дни открыто не выступает никто: слишком очевидны сегодня тяжкие последствия нашего экономического застоя. А вот другие сферы жизни — с этим сложнее. Каким способом можно, например, измерить движение вперед или, напротив, установить отсутствие такого движения, скажем, в общественных науках?

Кое-кто из историков высказывает мнение, согласно которому в советской исторической науке никакого застоя не было, ибо историческое знание на месте не стояло. Рекомендация этих ученых: ситуацию «не идеализировать, но и не драматизировать»⁶⁰. Некоторые этнографы склонны признать неблагоприятное положение общественных наук в целом, но полагают, что на этом фоне специалисты по изучению народов мира выглядели не так уж плохо. Кто из них прав?

Самым недвусмысленным свидетельством не только застоя, но и явственного движения вспять был сделанный в нашей науке 1970-х годов шаг к оправданию сталинизма. Хотя вернуть Сталина на прежний пьедестал было уже невозможно, стал обосновываться тезис о том, что он — прежде всего талантливый популяризатор революционных идей, а лишь затем уже человек, иногда отступавший от норм коллективного руководства и допускавший некоторые нарушения социалистической законности. При этом подчеркивалось, что указанный общественный и политический деятель «был предан марксизму-ленинизму» и «активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов»⁶¹.

Заветы Ленина — в его последних статьях «О кооперации», «К вопросу о национальностях», в «Письме к съезду». Сталин сделал все, чтобы частью утаить от партии, частью до неузнаваемости исказить и переиначить смысл этих документов. Ему удалось многое — в сфере экономики ликвидировать нэп и направить наше народное хозяйство по пути создания командно-административ-

ной системы, в области национальных отношений — подменить принцип федерализма своей пресловутой идеей автономизации, т. е. последовательно осуществить то, против чего настойчиво выступал Ленин.

Экономика и национальный вопрос сегодня — два главных участка общего фронта перестройки, на которых прежде всего решается судьба нашего будущего. И прошлый опыт борьбы на одном из них должен быть учтен при выработке стратегических решений на другом. Этот опыт говорит нам, что в своих подходах к давно назревшим национальным противоречиям мы находимся сейчас примерно в том же положении, когда в 1960-х годах предпринимали попытку осуществить верхушечные экономические реформы, не помышляя о необходимости сломать сталинистскую систему руководства народным хозяйством. Точно так же нам сегодня должно быть ясно, что без обновления теоретического арсенала наших представлений в области теории нации любые практические меры по нормализации национальных взаимоотношений будут половинчатыми и неэффективными.

Кажется невероятным, что нынешняя перестройка народного хозяйства могла бы осуществляться под знаменем идей, высказанных Сталиным в его брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР». Между тем в области теории нации у нас до сих пор в почти полной неприкосновенности продолжает существовать внушительный анклав сталинистских квазитеоретических положений, многие из которых мы по-прежнему без всяких на то оснований приписываем Ленину. Сошлюсь на самый свежий пример: в своей статье «Национальный вопрос: деформации прошлого» профессор В. Д. Зотов критикует Сталина за то, что «констатируя рождение новых, социалистических наций в СССР на месте старых наций и народностей, Сталин вообще никак не ссылаясь на Ленина, хотя именно Ленину принадлежит приоритет введения в марксизм понятия „социалистическая нация“»⁶². По-видимому, искренне верит автор и в то, что «выделенные Сталиным признаки нации содержатся в гораздо более ранних работах В. И. Ленина»⁶³. Вот так и живем.

За последнее время нередко приходится слышать, что «недопустимо полностью перечеркивать наши достижения в решении национального вопроса, нагнетать и чрезмерно драматизировать ситуацию. Народ уже в значительной мере устал от этой критики»⁶⁴. Но мы слишком долго говорили о торжестве ленинской национальной политики, хотя на деле она по существу была политикой сталинской. Если под предлогом усталости народа мы будем вливать вино перестройки в старые сталинские меха, то это в лучшем случае создаст иллюзию пригодности мехов, но наверняка погубит вино.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.
- ² Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 266.
- ³ Цит. по: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 68.
- ⁴ Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1977. С. 209—210.
- ⁵ Бацэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 1—2.
- ⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 293.
- ⁷ Цит. по: Цзинь Бинхао. О некоторых проблемах определения нации // Миньцзу яньцзю. 1985. № 4. С. 15 (на кит. яз.).
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.
- ⁹ Там же. С. 169.
- ¹⁰ Там же. С. 173.
- ¹¹ Там же. С. 235—236.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259.
- ¹³ Там же. Т. 3. С. 73.
- ¹⁴ Там же. Т. 24. С. 387—388.
- ¹⁵ Там же. Т. 25. С. 259.
- ¹⁶ Там же. Т. 44. С. 17.
- ¹⁷ Там же. Т. 23. С. 448.
- ¹⁸ Там же. Т. 8. С. 74.
- ¹⁹ Там же. Т. 25. С. 16.

- ²⁰ Там же. Т. 25. С. 15.
- ²¹ Там же. Т. 24. С. 122.
- ²² Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 301.
- ²³ Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И. Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. М., 1985. С. 65.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 315.
- ²⁵ Там же. Т. 38. С. 184.
- ²⁶ Там же. Т. 41. С. 163, 164, 166.
- ²⁷ Там же. Т. 22. С. 199; Т. 25. С. 16, 86.
- ²⁸ Козлов В. И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина // Сов. этнография. 1969. № 6. С. 18. См. также: Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М., 1960.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 276, 305.
- ³⁰ Там же. Т. 26. С. 109.
- ³¹ Там же. Т. 24. С. 221.
- ³² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 48.
- ³³ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 24—25, 26.
- ³⁴ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М. 1939. С. 513.
- ³⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 46—47.
- ³⁶ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 63; Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 9; Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 76.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.
- ³⁸ Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 303.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 112.
- ⁴⁰ Там же. С. 120.
- ⁴¹ Там же. С. 117.
- ⁴² Там же. Т. 38. С. 159.
- ⁴³ Козлов В. И. Указ. раб. С. 18.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 158.
- ⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 154.
- ⁴⁶ Сталин И. В. Соч. Т. II. С. 336.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.
- ⁴⁹ Сталин И. В. Т. II. С. 340.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 36.
- ⁵¹ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 423.
- ⁵² Там же. Т. 30. С. 36.
- ⁵³ Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 325, 326.
- ⁵⁴ Там же. С. 220.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.
- ⁵⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 139.
- ⁵⁷ Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1944. № 6. С. 264.
- ⁵⁸ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Сов. этнография. 1967. № 6. С. 6, 8.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
- ⁶⁰ Ваганов Ф. М., Пономарев А. Н. Не идеализировать, но и не драматизировать... // Сов. культура. 4 июля 1987 г.
- ⁶¹ Сталин (Джугашвили) // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 783.
- ⁶² Зотов В. Д. Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист. 1989. № 3. С. 86.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Задарновский Б. Б. (Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР и межведомственного научного совета по изучению национальных процессов) // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 22.

А. И. Кузнецов

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВО» И «ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ»

В советской исторической науке долгое время господствовало сталинское определение нации, оказывавшее решающее влияние и на разработку теории